

Годъ изданія девятый.

М А Й.

№ 14.

1916.

XVII $\frac{45}{10}$

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

СЧАСТЛИВАЯ ПОРА (стих.).
СОЗНАЮТЪ-ЛИ ЖИВОТНЫЯ
ДОБРО И ЗЛО?
ТИХІЙ ВЕЧЕРЪ (стих.).
НА ЛОНЪ ПРИРОДЫ (повѣсть).
ВЪ БОЛЬШОМЪ ГОРОДѢ.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Карета—для склеиванія.
Лабиринтъ—(игра).

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Было трогательно смотрѣть, какъ кошка и котята боялись помѣшать голубкѣ и какъ голубка, чтобы предоставить имъ побольше мѣста, жалась къ самому краю корзинки.

СЧАСТЛИВАЯ ПОРА.

Уже оттаяла земля,
Ужъ на крыжовникѣ листочки
И на деревьяхъ бухнуть почки,
И улыбаются поля.

Кричатъ грачи, скворцы свистять,
Поютъ и всѣ другія птички,
Онѣ несутъ уже яички
И скоро выведутъ цыплятъ.

Пришла, пришла ужъ къ намъ весна!
Ужъ лѣсъ одѣлся сѣрой дымкой
И какъ-то сразу, невидимкой,
Проснулось все кругомъ отъ сна.

Проснулись пчелы и жучки
И залетали бодро мушки
И на пенькахъ, въ лѣсной опушкѣ,
Ужъ показались сморчки.

Падеть туманъ, пройдутъ дожди,
Но ужъ теперь не страшно это:
Пришла весна, настанетъ лѣто
И счастье, счастье впереди!

Ирисъ.

СОЗНАЮТЪ-ЛИ ЖИВОТНЫЯ ДОБРО И ЗЛО?

У французовъ есть сказка слѣдующаго содержания:

Когда котъ Матроска состарѣлся, то хозяева прогнали его вонъ и онъ долженъ былъ идти, куда глядѣли его глаза. Онъ удалился въ лѣсъ, выбралъ тамъ себѣ удобное мѣстечко для жилья и сталъ скромно заканчивать свою жизнь. Но его приводила въ безпокойство мысль о наступающей зимѣ. Осень была уже въ полномъ ходу и черезъ какія-нибудь три-четыре недѣли долженъ уже былъ выпасть снѣгъ. Куда онъ тогда дѣнется? Какъ онъ будетъ жить въ лѣсу одинъ?

Какъ вдругъ гдѣ-то вдалькѣ раздался выстрѣлъ и затѣмъ, минутъ черезъ пять, около Матроски упала на землю раненная куропатка.

— Сжался надо мной, добрый котъ, сказала она.— Не ѣшь меня! Я такое-же живое существо, какъ и ты. Пожалѣй меня!

Привидѣ слабой, больной птицы, которая не могла шевелить крыломъ, котъ подумалъ и отвѣтилъ:

— Хорошо. Я всегда успѣю съѣсть тебя потомъ. Пойдемъ ко мнѣ и погрѣйся немножко у меня.

Они пошли, и чѣмъ долѣе Матроска жилъ съ куропаткой вмѣстѣ,

тѣмъ все болѣе и болѣе она казалась ему жалкой и безпомощной. Такъ онъ ее и не съѣлъ. Она скоро выздоровѣла, но вмѣсто того, чтобы улетѣть и оставить Матроску одного, она подошла къ нему и сказала:

— Моихъ дѣтей уже нѣтъ въ живыхъ—ихъ убилъ человѣкъ. Гдѣ мое гнѣздо, я теперь тоже не знаю. Но наступаетъ зима, и ты долженъ остаться здѣсь одинъ. Я не хочу быть неблагодарной и могу остаться при тебѣ. Хочешь, чтобы мы провели зиму вдвоемъ?

— Что-жъ, отвѣтилъ Котъ,— оставайся! Мнѣ будетъ весело съ тобой!

Куропатка осталась и они цѣлые два мѣсяца прожили въ мирѣ и согласіи. А между тѣмъ зима была жестокая и въ тотъ годъ очень затянулась.

Однажды Матроска что-то почувялъ и оцетинилъ шерсть. Дѣйствительно, къ нимъ приближалась старая собака, повидимому, больная и съ хромою ногой.

— Зачѣмъ ты сюда пришла? замяукалъ ей Матроска.— Вѣдь я сейчасъ выпущу свои когти и выпарапаю тебѣ глаза! Развѣ ты не знаешь этого?

— Нѣтъ, спокойно отвѣтила собака,— ты не сдѣлаешь этого. Я не причинила тебѣ никакого вреда и пришла не за тѣмъ, чтобы сдѣлать тебѣ зло. Позволь мнѣ только немножко отдохнуть.

Усталая, изнеможенная, она легла на снѣгъ. Матроска поглядѣлъ на нее и сказалъ:

— Чѣмъ здѣсь лежать на снѣгу, иди-ка лучше ко мнѣ! Тамъ у меня тепло и мягко. Къ тому же я живу и не одинъ: со мной живетъ моя подруга куропатка.

— Я это чую, отвѣтила собака и стала нюхать воздухъ.—Здѣсь гдѣ-то близко дѣйствительно находится дичь! Если ты хочешь, то я сейчасъ же ее изловлю.

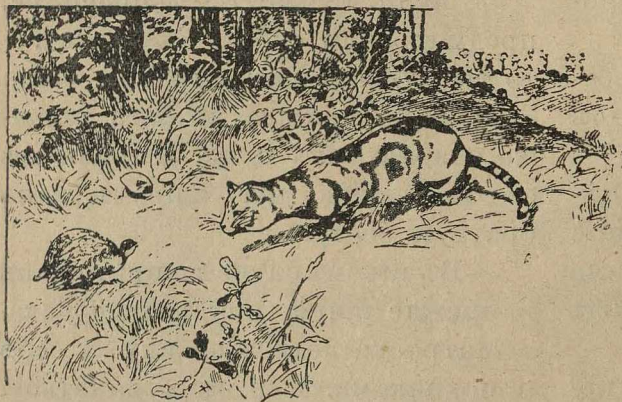
— Если только ты тронешь ее, предупредилъ собаку Матроска,— то ты будешь имѣть дѣло со мной. Эта птица пришла ко мнѣ такая же слабая, какъ и ты. Я приютилъ ее и теперь мы живемъ, какъ братъ и сестра.

— Въ такомъ случаѣ живите, какъ и прежде жили, отвѣтила собака.

Матроска повелъ собаку къ себѣ и познакомилъ ее съ куропаткой. Онѣ поздравствовались между собой, а затѣмъ, отдохнувъ отъ усталости, собака рассказала своимъ новымъ друзьямъ свою печальную исторію. Недавно умеръ ея хозяинъ, она цѣлые два дня проплакала на его могилѣ, а когда, изнемогая отъ голода и жажды, возвратилась съ кладбища, то никто не захотѣлъ ее принять. Теперь она не знаетъ, куда ей, калѣкѣ, дѣваться и гдѣ жить. Что, если-бы Матроска и куропатка приняли ее къ себѣ? Какъ-бы она была имъ благодарна!

Матроска и куропатка переглянулись и согмасились. Такимъ образомъ общежитіе увеличилось еще однимъ членомъ, который скоро сталъ всеобщимъ любимцемъ и въ свою очередь полюбилъ всѣхъ.

Собака ходила на охоту, приносила коту дичь, а для куропатки добывала у людей кусочки хлѣба, которые они плохо хранили. А когда наступала ночь, то всѣ трое,

— Сжался надо мною, добрый котъ!

чтобы сберечь тепло, спали вмѣстѣ, прижавшись одинъ къ другому. Постелью имъ служили сухіе листья, собранные котомъ еще до наступленія зимы. Днемъ они играли всѣ втроемъ и радовались: кошка и собака бѣгали, а куропатка летала вокругъ нихъ, или-же садилась имъ на спины и каталась на нихъ такъ, какъ люди на лошадяхъ.

Однажды, гуляя по лѣсу, они встрѣтили маленькую обезьянку, умиравшую отъ холода. Она дро-

жала всѣмъ тѣломъ и, увидя ихъ, стала ихъ умолять:

— Друзья мои, сказала она,— помогите мнѣ. Я глубоко несчастна. Мои хозяева — акробаты, у которыхъ я выдѣлывала разные фокусы и которые показывали меня на ярмаркахъ, увидѣвъ, что я больна, бросили меня по дорогѣ и уѣхали. Теперь я одна и, если вы не возьмете меня съ собой, то я замерзну.

— Не бойся, отвѣтилъ Матроска, мы не бросимъ тебя.— Ты будешь нашимъ другомъ и мы сейчасъ возьмемъ тебя съ собою и обогрѣемъ тебя.

Глазки обезьянки засвѣтились радостью. Она прыгнула собакѣ на спину и всѣ четверо отправились къ коту. Здѣсь обезьянкѣ дали заячью шкурку, она надѣла ее на себя, какъ шубку, согрѣлась, попила и поѣла и всѣ они стали жить и поживать въ мирѣ и согласіи.

И для четырехъ друзей началась блаженная жизнь. Зацвѣла затѣмъ весна, солнце стало согрѣвать всѣхъ своими ласковыми лучами, лѣса наполнились благоуханіемъ и небо было прозрачно и безбрежно, какъ океанъ. Они часто совершали далекія прогулки и были довольны, что такъ удачно сложилась ихъ жизнь.

Но всему бываетъ конецъ, наступилъ конецъ и ихъ безмятеж-

ному житью. Куропатка состарѣлась совсѣмъ. Коть Матроска заболѣлъ ревматизмомъ. У собаки стали болѣть зубы и она перестала отъ боли спать. Обезьянка закашляла и кашель надрывалъ ей грудь. Они уже больше не играли всѣ вмѣстѣ и имъ казалось, что зима не кончится уже никогда. Только одна дружба и поддерживала ихъ.

Случилось, что въ тѣхъ мѣстахъ проѣзжалъ одинъ ученый профессоръ, который занимался изученіемъ жизни животныхъ. Онъ наблюдалъ ихъ бытъ и нравы и затѣмъ писалъ о нихъ цѣлыя книги. Наткнувшись въ лѣсу на жилище нашихъ знакомыхъ, онъ заглянулъ въ него и увидалъ, что котъ, собака, куропатка и обезьянка сбились въ одну кучку, никакъ не могли согрѣться и смотрѣли печальными глазами. Это удивило профессора и онъ долго стоялъ передъ ними и глядѣлъ на нихъ такъ, точно никогда не видалъ въ жизни ничего подобнаго.

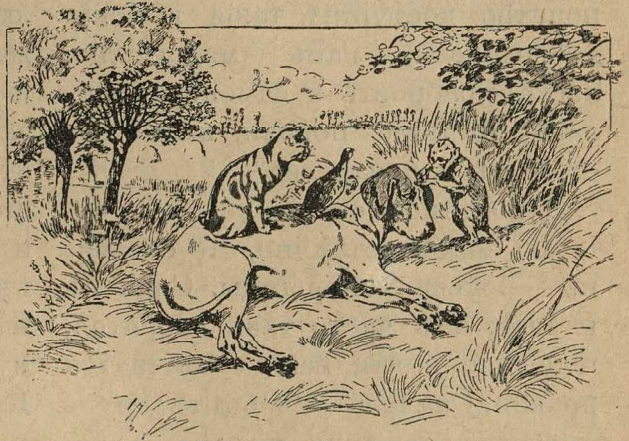
— Четыре разнородные звѣря, воскликнулъ онъ,— и живутъ въ такой дружбѣ!

Онъ сталъ ихъ ласкать и они покорно и съ благодарностью приняли отъ него ласки. Онъ далъ имъ ѣсть—и они поѣли.

— Знаете, что, мои дорогіе звѣри? вдругъ обратился къ нимъ ученый.— Вы всѣ здѣсь старики,

я тоже старъ... Пойдемте-ка всѣ ко мнѣ! Я буду васъ поить и кормить и напишу о вашей дружбѣ цѣлую статью!

Они съ радостью согласились и приняли его предложеніе. У опушки лѣса дожидались сани профессора. Звѣри поднялись на свои слабыя ноги и послушно послѣдовали за своимъ новымъ хозяиномъ. Кошка сѣла рядомъ съ нимъ на сидѣнье, собака помѣстилась у него въ но-

Они жили въ большой дружбѣ.

гахъ, куропатка сѣла ему на плечо, а обезьянка залѣзла ему за пазуху. Такъ они и отправились въ путь.

Пріѣхавъ со своими новыми знакомыми къ себѣ, онъ помѣстил ихъ въ маленькой, теплой избушкѣ и предоставилъ ее въ ихъ полное распоряженіе. Каждый день имъ приносили туда ѣду и питье.

Съ этихъ поръ звѣри зажили счастливо и покойно, не заботясь о завтрашнемъ днѣ. Въ ихъ среду

вошелъ пятый членъ—самъ профессоръ и они считали его своимъ и всякій разъ съ радостью бросались къ нему на встрѣчу, когда онъ къ нимъ входилъ. Иногда онъ приводилъ къ нимъ своихъ друзей и, глядя на нихъ, они удивлялись той дружбѣ, на какую были способны звѣри и человѣкъ.

Изъ этой сказки вытекаетъ, что животныя будто-бы сознають добро и зло. Но дѣйствительно-ли это такъ? Дѣйствительно-ли ихъ понятію доступны такія высокія добродѣтели, какъ милосердіе, ласка, храбрость и самопожертвованіе, и такіе пороки, какъ жестокость и коварство?

А вотъ посмотримъ.

Мы знаемъ отлично, что обезьяны—большія спорщицы. Сидя въ клѣткѣ, онѣ часто такъ ссорятся, что дѣло почти всегда кончается дракой. Сначала онѣ бьютъ другъ дружку только по щекамъ, а затѣмъ дѣло переходитъ во всеобщую свалку и часто даже кончается тѣмъ, что пускаются въ ходъ и зубы. Но считать обезьянъ способными на однѣ только такія ссоры и свалки было-бы неблаго-разумно. Такъ, знаменитый англійскій ученый Дарвинъ въ одной изъ своихъ книгъ рассказываетъ очень интересную исторію о томъ, какъ маленькая обезьяна спасла жизнь своему сторожу. Она была привезена изъ Южной Америки и содержалась въ Лондонскомъ

зоологическомъ саду. Здѣсь, подъ сѣрымъ небомъ, не видя по цѣлымъ мѣсяцамъ солнышка и хвораая, она часто забивалась въ уголокъ и угрюмо выглядывала изъ него печальными глазами. Она веселѣла только тогда, когда къ ней приходилъ ея сторожъ и ласкалъ ее. Тогда радости ея не было границъ. Она прижималась мордочкой къ его щекѣ, гладила его по головѣ лапками и всѣми мѣрами старалась показать, какъ она его любитъ. Въ той же клѣткѣ содержался и павіанъ. Это было злое и упрямое созданіе, ненавидѣвшее людей. Однажды, войдя въ клѣтку, чтобы привести ее въ порядокъ, сторожъ опустился на одно колѣно и сталъ вѣничкомъ сгребать соръ въ корзинку. Какъ вдругъ павіанъ набросился на него сзади и втиснулъ ему въ затылокъ ногти. Кровь хлынула ручьями. Сторожъ повалился ничкомъ на землю, а павіанъ сѣлъ на него верхомъ и сталъ его душить. Вокругъ клѣтки не было никого. Тогда маленькая мартышка, увидя въ опасности своего друга, рѣшилась спасти его и бросилась къ нему на выручку. Она вцѣпилась тоже сзади въ павіана и такъ больно стала драть его за уши, что онъ выпустилъ изъ лапъ свою жертву и бросился на мартышку. Конечно, сторожъ воспользовался этой минутой, чтобы вскочить на ноги и водворить въ клѣткѣ порядокъ.

Даже такое недалекое животное, как осель, тоже бывает иногда способно на геройские поступки. Такъ, въ Египтѣ, у одного араба былъ осель по имени Моджи. Однажды, когда арабъ продалъ свои товары въ городѣ и возвращался къ себѣ въ деревню домой, то ему захотѣлось отдохнуть. Онъ далъ своему ослу волю, а самъ легъ подъ кустъ и скоро заснулъ. Было жарко. Жилье было далеко. Кругомъ тянулась пустыня, кое-гдѣ поросшая чахлыми кустарниками и дикой травой. Арабъ спалъ, а осель бродилъ отъ куста къ кусту, обглаживалъ съ нихъ листья и незамѣтно отошелъ отъ своего хозяина далеко. Какъ вдругъ онъ услышалъ донесшіеся до него крики своего хозяина. Онъ вздрогнулъ, поднялъ уши и со всѣхъ ногъ бросился туда, гдѣ тотъ спалъ. Оказалось, что откуда-то появился степной волкъ, который набросился на спавшаго араба и сталъ его грызть. Тогда Моджи, желая спасти своего хозяина, съ опасностью для собственной жизни подскочилъ къ волку, повернулся къ нему задомъ и изъ всѣхъ силъ сталъ поражать его задними ногами. Когда волкъ былъ ими убитъ, то оказалось, что арабъ былъ уже загрызенъ до полусмерти. Тогда Моджи понялъ, въ чемъ дѣло, и со всѣхъ ногъ пустился къ себѣ въ деревню. Здѣсь онъ схватилъ зубами жену араба за полу и сталъ

ее тянуть вонъ со двора. Догадавшись, что съ ея мужемъ случилось что-нибудь недоброе, арабка съла на Моджи и онъ быстро привезъ ее къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ безъ чувствъ его умиравшій хозяинъ.

Но и находясь въ дикомъ состояніи, животныя тоже проявляютъ благородство и самопожертвованіе. Въ двухъ первыхъ примѣрахъ животное оказало услугу именно человѣку и будучи въ неволѣ. Но съ такою же готовностью животное способно пожертвовать собою и для другого животного, и при томъ находясь въ дикомъ состояніи. Такой случай приводитъ намъ ученый Бёмъ, путешествовавшій по Аѳрикѣ и наблюдавшій тамъ жизнь павіановъ. Однажды эти животныя цѣлой массой переходили черезъ долину, чтобы взобраться на противоположныя горы. Когда бѣльшая часть павіановъ была уже на горѣ, то внизу, въ долину, ихъ оставалось всего только нѣсколько штукъ. Какъ вдругъ на самыхъ послѣднихъ изъ нихъ напали дикія собаки. Тогда старшіе изъ нихъ бросились отъ нихъ бѣжать и успѣли уже вкарабкаться на неприступную скалу, за исключеніемъ одного только маленькаго, полугодового павіана, который не сумѣлъ уцѣпиться за камень, сорвался и покатился внизъ на съѣденіе дикимъ собакамъ. Онъ окружили его со всѣхъ сторонъ. Онъ жалостно заплакалъ и сталъ громко

Въ своемъ царствѣ.

— Я ошиблась!.. Я думала, что это — орѣшки, а не яички!..

звать на помощь. Тогда одинъ изъ уже спасшихся взрослыхъ павіановъ, бросился его выручать. Онъ прорвался сквозь ряды разсвирѣпѣвшихъ дикихъ собакъ, схватилъ маленькаго павіана на руки и съ опасностью для собственной жизни, торжественно вынесъ его въ безопасное мѣсто.

Былъ и другой случай, когда маленькую обезьянку схватилъ однажды орелъ. Въ самый тотъ моментъ, какъ онъ хотѣлъ уже унести ее къ себѣ въ гнѣздо, она схватилась свободной лапкой за вѣтку дерева и стала громко звать на помощь. Услышавъ ея крики, со всѣхъ сторонъ сбѣжались другія обезьяны, стали на орла кричать, бросать въ него вѣтками и плодами, а одна даже притянула орла за вѣтку къ себѣ и стала выщипывать у него изъ хвоста перья, несмотря на то, что онъ поражалъ ее за это клювомъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что царь птицъ долженъ былъ выпустить изъ когтей свою жертву и со стыдомъ и съ общипаннымъ хвостомъ улетѣлъ къ себѣ въ гнѣздо.

Одинъ ученый приводитъ случай, когда кошкѣ положительно негдѣ было вывести и выкормить своихъ котятъ и она избрала для этого старую корзину, въ которой уже сидѣла на яйцахъ голубка. Было трогательно смотрѣть, какъ кошка и котятъ боялись помѣшать голубкѣ и какъ голубка, чтобы предоставить имъ побольше

мѣста, жалась къ самому краю корзины.

Но будучи способными на геройскіе поступки, животныя умѣютъ также и мстить. Такъ одна горилла была помѣщена въ тѣсной клѣткѣ въ одномъ провинціальномъ, переѣзжавшемъ съ мѣста на мѣсто, звѣринцѣ. Сторожъ этого звѣринца очень сурово относился къ ней, не давалъ ей ѣсть и иногда больно билъ ее хлыстомъ. Тогда она задумала отомстить ему. Въ воскресенье, когда въ звѣринцѣ было особенно много народу и когда ея сторожъ нарядился въ свой лучшей костюмъ, она взяла ведро съ водою, которая была поставлена ей для питья, наболтала въ ней грязи и, выждавъ, когда сторожъ вошелъ къ ней въ клѣтку, на глазахъ у всей публики, вылила ему это ведро прямо на голову. Конечно, публика подняла сторожа на смѣхъ и ему пришлось прямо изъ звѣринца отправляться въ ванну. И всякій разъ затѣмъ, какъ этотъ сторожъ подходилъ къ клѣткѣ гориллы, она радостно рычала, хлопала въ ладоши и весело начинала плясать отъ удовольствія, что такъ насмѣялась надъ своимъ врагомъ. Но еще мстительнѣе слоны. Вообще слоны очень терпѣливы и выносливы и нужно быть очень злымъ и придирчивымъ человѣкомъ, чтобы вывести ихъ изъ себя. Такъ, въ одномъ странствующемъ звѣринцѣ находился слонъ, который долго тер-

пѣлъ всевозможны продѣлки со стороны одного изъ посѣтителей. Когда слону предлагали какія-нибудь сласти, то прежде чѣмъ передать ихъ ему, этотъ господинъ еще дразнилъ его ими и вообще издѣвался надъ нимъ. Слонъ очень любилъ каштаны и вотъ однажды, чтобы посмѣяться надъ слономъ, посѣтитель изжарилъ каштаны на сковородѣ, разогрѣлъ ихъ такъ, что они сдѣлались горячими, какъ огонь, ссыпалъ ихъ въ бумажный мѣшокъ и въ такомъ видѣ подалъ ихъ слону. Не подозрѣвая ничего, слонъ взялъ хоботомъ за край мѣшка, положилъ его весь цѣликомъ къ себѣ въ ротъ и вдругъ почувствовалъ на языкѣ тяжкую боль. вмѣсто того, чтобы выплюнуть эти каштаны, онъ ихъ проглотилъ и зарычалъ отъ ожога. Злой посѣтитель, увидя, что такъ легко обманулъ слона, взялся руками за животъ и весело захоталъ. Тогда животное схватило ушатъ, поставленный для питья, и протянуло его къ своему хозяину, чтобы онъ наполнилъ его водой. Когда вода была слону подана, то онъ сталъ жадно ее пить, чтобы умѣрить въ себѣ силу ожога.

— Напрасно ты это сдѣлалъ, обратился къ посѣтителю содержатель звѣринца. — Теперь онъ тебѣ этого не проститъ никогда!

И дѣйствительно, въ глазахъ у

слона засвѣтился недобрый огонекъ; но животное затаило въ себѣ месть и стало только поджидать удобнаго случая, чтобы выполнить ее на дѣлѣ.

Прошелъ годъ. Звѣринецъ уѣхалъ и потомъ опять вновь приѣхалъ въ тотъ же самый городъ. Опять около слона появились зрители, которые предлагали ему булки, яблоки и разныя сласти. Былъ между ними и тотъ негодяй, который когда-то покормилъ бѣднаго слона горячими каштанами.

Едва только слонъ почувалъ своего врага, какъ схватилъ его хоботомъ за одежду, поднялъ его высоко кверху и такъ тряхнулъ имъ, что кусокъ одежды вырвался и праздный посѣтитель чуть не замертво всею своею тяжестью ударился о землю. Сбѣжался народъ и сталъ приводить его въ чувство. Потребовали воды и кто-то сталъ мочить ему ею виски. Увидѣвъ это, слонъ набралъ цѣлый хоботъ воды изъ своей бочки и тоже облилъ своего врага, какъ изъ пожарной кишки. Затѣмъ онъ схватилъ стоявшій тутъ-же ящикъ съ пескомъ и высыпалъ его весь на пострадаваго.

Такъ животныя умѣютъ быть преданными для тѣхъ, кто любитъ ихъ и заботится о нихъ, и такъ они мстятъ тѣмъ, кто забываетъ, что они тоже умѣютъ чувствовать, страдать и любить. С. Вершининъ.

ТИХІЙ ВЕЧЕРЪ.

Насталъ ужъ вечеръ... Солнце сѣло, Крестьянинъ лошадь распрягаетъ,
Росой упитана земля, Сама пастись идетъ она,
Кричатъ лягушки, все запѣло, И все въ усадьбѣ засыпаетъ
И слышенъ крикъ коростеля. И ищетъ отдыха и сна.

И надъ рѣкою суетливой Зажглися звѣздочки, какъ свѣчки,
Встаетъ таинственный туманъ Все спитъ... Поетъ лишь коростель,
И ужъ домой идетъ крикливо Да только тамъ, вдали, за рѣчкой
Гусей усталыхъ караванъ. Играетъ нѣжная свирѣль.

Кузнечикъ.

НА ЛОНЪ ПРИРОДЫ.

Дневникъ дѣвочки.

Вчера вечеромъ, когда я ложилась спать, мнѣ какъ-то было не по себѣ и чего-то не хватало: я не привыкла быть не дома и ночевать въ гостяхъ и меня почему-то потянуло домой къ папѣ, мамѣ и къ брату Сережѣ. Но потомъ настроеніе измѣнилось и все пошло, какъ по маслу. Няня очень постарѣла, но по-прежнему любитъ меня, хотя мы не видались съ нею уже три года. Она очень обрадовалась моему приѣзду.

Я приѣхала къ ней только вчера къ вечеру. Меня встрѣтилъ на вокзалѣ ея работникъ Трифонъ и повезъ на лошаdkѣ въ ея хуторокъ. Было уже темно. Мы ѣхали четыре версты между деревьевъ, съ горки на горку, было прохладно,

въ низинкахъ поднимался туманъ, но воздухъ былъ такой свѣжій и ароматный, что я никакъ не могла имъ надышаться. Въ кустахъ свѣтились, точно электрическіе фонарики, свѣтлячки.

Когда мы подѣхали къ домику няни, то она уже ждала насъ на крыльцѣ. Я соскочила съ таратайки и бросилась къ ней на шею.

— Нянечка! крикнула я.

Она подняла меня на руки и стала плакать. Потомъ она успокоилась и, точно маленькую, внесла меня въ комнату. Горѣла лампа и на столѣ былъ приготовленъ для меня ужинъ. Я набросилась на молоко, горячія пышки, яйца, сметану и творогъ. Няня сидѣла около меня, не спускала съ меня глазъ,

разспрашивала меня и всѣхъ нашихъ и то и дѣло подкладывала мнѣ на тарелку.

— Кушай, моя голубушка, говорила она.— Тамъ, въ городѣ, тебя морили голодомъ... Вишь, какая блѣдненькая, да худая!

Затѣмъ няня отвела меня въ другую комнату, сама умыла меня, такъ какъ ей это было пріятно дѣлать, и уложила меня спать. Я утонула въ перинѣ и долго ныряла въ ней и смѣялась.

— Спи, моя цыпочка! сказала няня.— Господь тебя благослови!

Я закрыла глаза и заснула. Когда я проснулась сегодня, то было уже утро. Свѣтило солнце и щебетали птицы. Часы въ сосѣдней комнатѣ пробили восемь. Я одѣлась и подошла къ окну. Какъ разъ около него, въ саду, няня разговаривала со своимъ работникомъ.

— Смотри-же Трифонъ, говорила она,— слушайся барышню и исполняй все, что она тебѣ прикажетъ. Чего бы она ни захотѣла, такъ все безъ возраженій и исполняй!

Мнѣ стало весело и я выбѣжала въ садъ.

— А вотъ и наша ранняя птичка! воскликнула няня и стала меня обнимать.

Потомъ она вдругъ сдѣлала испуганное лицо и продолжала:

— Что-же это я, старая дура, стою? Дѣвочка съ голоду умираетъ, а я тутъ стою и на воронъ зѣваю!

Она поспѣшила въ домикъ и я осталась съ Трифономъ одна.

— Здравствуйте, барышня! радостно воскликнулъ онъ.

— Здравствуй, Трифонъ! отвѣтила я и, по привычкѣ цѣловаться дома со всѣми своими домашними (по утрамъ, поцѣловала его въ щеку.

Онъ смутился, отеръ щеку рукавомъ, замигалъ глазами и засопѣлъ носомъ.

— Вотъ я эти цвѣточки... залепеталъ онъ,— сажаю для васъ... Хотя и не важные они, цвѣточки-то, да пахнуть, пахнуть-то хорошо...

Въ это время пришла работница Марья и позвала меня пить чай.

— Идите, барышня-красавица, сказала она.— Самоваръ поспѣлъ.

Я подскочила къ ней, схватила ее за руку и потащила за собой. Она стала упираться, говорить, что не смѣетъ со мной играть, но я схватила ее еще и за фартукъ и потащила. Мы обѣ со смѣхомъ побѣжали къ нянѣ.

У нея уже все было готово. Я усѣлась за столъ и принялась за ѣду. Няня сидѣла сбоку и не отрывала отъ меня глазъ. Я ѣла, а она все подкладывала мнѣ и говорила:

— Кушай, милая! Тебя въ городѣ голодомъ заморили!

Въ открытое окошко несся запахъ цвѣтовъ и слышно было, какъ тоготали гуси, кудахтали куры и болталъ индюкъ. Мнѣ

стало здѣсь такъ пріятно, что я обняла няню и сказала:

— Какъ у тебя здѣсь, няня, хорошо!

Она посмотрѣла на икону и перекрестилась.

— Это все твой папа, пошли ему Богъ здоровья! отвѣтила она.— Я вынянчила его самого, тебя и твоего брата Сереженьку. Теперь бы мнѣ съ голоду помирать, а онъ, голубчикъ, купилъ для меня вотъ этотъ хуторокъ и сказалъ:— „Живи въ немъ, няня, онъ твой! Разводи здѣсь утокъ и гусей и будь здорова. Ты для меня все одно, что вторая мать...

Няня вытерла себѣ глаза кончиками завязокъ отъ чепца и снова перекрестилась.

Въ это время пришла работница Марья и спросила:

— До обѣда еще два часа... Шутка-ли? Барышня можетъ проголодаться. Не сдѣлать для нея на завтракъ варениковъ съ творогомъ?

— Сдѣлай, сдѣлай, Марьюшка! серьезно отвѣтила няня.— Да еще принеси изъ погреба горшочекъ со сливками! Пускай она себѣ полижетъ!

Воображаю, какъ я здѣсь растолстѣю! Вѣроятно, буду, какъ боченокъ.

Я опять выбѣжала въ садъ. Трифонъ вскопалъ грядку и сталъ сажать на ней землянику.

Я подошла къ нему и стала

глядѣть, какъ онъ работалъ. Во время перерыва онъ потеръ руковою то мѣсто, въ которое я его поцѣловала, крикнулъ и поглядѣлъ на меня ласковыми глазами.

— У тебя есть своя земля? спросила я его.

— Нѣтъ, барышня, отвѣтилъ онъ со вздохомъ.— Была у меня земля съ избенкой, да я подарилъ ее моей вдовѣ-сестрѣ. Я одинъ, а у нея—цѣлая семья.

Онъ поднялся, размялъ члены и добавилъ:

— Эхъ, милая барышня, красавица моя! Хорошо тому, у кого есть свой собственный, маленькій клочокъ земли! Кто любитъ землю, того и она, матушка, любитъ. Сдѣлаешь для нея на копейку, а она даетъ тебѣ на рубли. Вотъ я сажалъ сейчасъ землянику всего только полчаса, а ягоды съ этой гряды будемъ кушать цѣлые четыре года, да еще будемъ и продавать.

Въ это время вышла няня и закричала мнѣ:

— Сонечка, пойдѣмъ куриць кормить!

Я тотчасъ-же бросила все и побѣжала за ней въ курятникъ. Здѣсь были разставлены гнѣзда, въ которыхъ неслись куры, и поставлены жерди, на которыя онѣ садятся на ночь съ пѣтухомъ. Едва только мы вошли въ него, какъ къ намъ навстрѣчу бросились со всѣхъ ногъ утята, цыплята и ма-

ленькія индюшки. Я взяла на руки одного утеночка и стала его гладить. Тогда няня положила имъ корму. Одинъ утенокъ схватилъ вчерашнюю длинную макарону и сталъ ее глотать цѣликомъ. Когда онъ проглотилъ ее уже почти совсѣмъ, то къ нему подбѣжалъ цыпленокъ, схватилъ клювомъ за торчавшій еще изъ его клюва кончикъ этой макароны и всю ее цѣликомъ вытащилъ изъ утенка назадъ. Потому онъ ее съѣлъ самъ. Это было очень смѣшно.

Пока мы ходили по курятнику, вокругъ рѣшетки все время бѣгала собака Шарикъ, которая визжала и просилась къ намъ.

— Вотъ погоди ты у меня! крикнула на нее няня. — Я вотъ тебя сейчасъ! Я покажу тебѣ, какъ хватать куриць за ноги!

Я думала, что няня дѣйствительно накажетъ Шарика, но когда мы вышли изъ курятника и Шарикъ бросился къ намъ и сталъ отъ радости визжать, то няня ласково потрепала его по спинѣ.

— Тоже вѣдь тварь Божія! сказала она. — Такъ-же радуется, какъ и человѣкъ!

Мы набрали полную корзинку яицъ и хотѣли было идти еще и въ огородъ, но въ это время изъ домика няни вдругъ послышался голосъ Марьюшки:

— Барышня, идите кушать вареники съ творогомъ!

— А ты горшочекъ со сливками

изъ погреба принесла? крикнула ей няня.

— Принесла, отвѣтила Марьюшка.

— Ну, такъ мы сейчасъ придемъ!

Я была сыта, но няня почти насильно усадила меня за столъ и заставили меня ѣсть вареники и сливки. А сливки были такія густыя, что въ нихъ стоймя стояла ложка.

Затѣмъ мы отправились гулять. Няня взяла палочку и повела меня далеко-далеко, по лѣсамъ и лугамъ. Вокругъ насъ летали бабочки, щебетали птицы, я бѣгала по бархатной травкѣ и собирала цвѣты.

Пройдя версты двѣ, мы пришли къ селу, въ сторонѣ отъ котораго стояла свѣже-окрашенная веселенькая церковь. Около церкви — два домика. Въ одномъ изъ нихъ живетъ батюшка, въ другомъ — дьячокъ. Когда мы подошли къ домику батюшки, то онъ, снявъ рясу, самъ косилъ у себя въ огородѣ траву. Его длинные волосы падали ему на плечи и онъ былъ очень похожъ на Робинзона Крузо. Завидѣвъ насъ, онъ бросилъ косу, быстро надѣлъ на себя рясу и пошелъ къ намъ навстрѣчу.

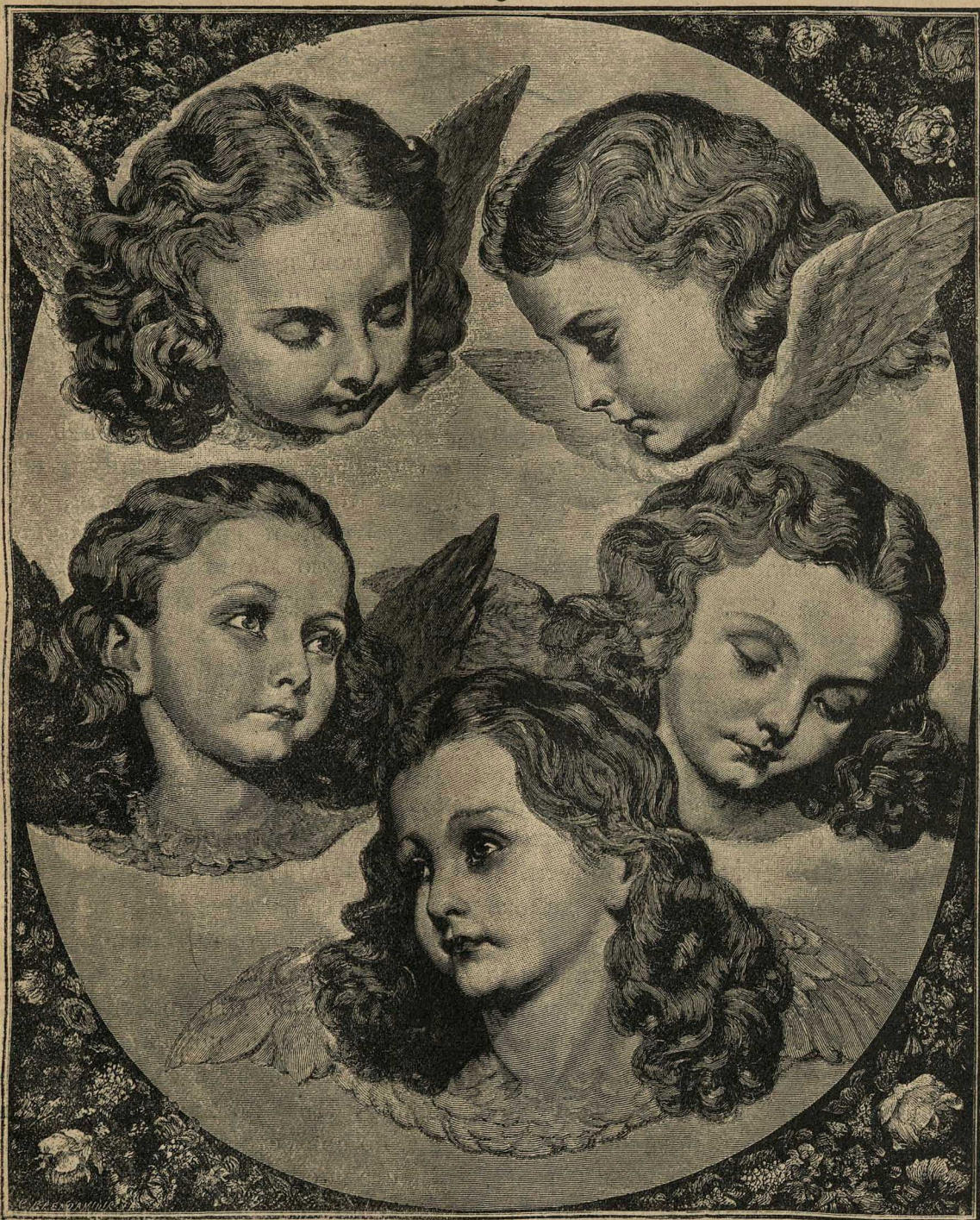
— Здравствуйте! сказалъ онъ. — Милости просимъ! Добро пожаловать!

Няня представила ему меня.

— Это моя воспитанница, сказала она. — Я ее вынянчила на рукахъ. Благословите ее, батюшка!

Въ Пиринейскихъ горахъ.

Херувимчики.

Батюшка потрепалъ меня по щекамъ и спросилъ:

— Какъ тебя зовутъ, дыплетка?
Я отвѣтила: — Соня.

Тогда онъ перекрестилъ меня и положилъ мнѣ руку на голову.

— Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.. сказалъ онъ. — Матушка, выходи-же скорѣе! Къ намъ гости пришли!

Вышла матушка съ дѣвочкой. Это была ихъ дочь.

— Фрося, обратился къ дочери батюшка,—поиграй съ Софіей-премудрой! Поваляйся съ ней на сѣнѣ!

Фрося взяла меня за руку и подвела къ сѣну. Мы стали на немъ кувыркаться, прыгать и закапывать въ немъ одна другую. Въ это время няня съ батюшкой и съ матушкой о чемъ-то въ стонѣ долго разговаривали.

Затѣмъ мы отправились домой. До самаго дома насъ провожала Фрося. Мы бѣжали впереди, а няня брела съ палочкой далеко позади насъ.

— Ты знаешь, сказала мнѣ Фрося,—о чемъ няня разговаривала съ моими папой и мамой, когда мы съ тобой играли на сѣнѣ? Она пришла къ намъ нарочно, чтобы попросить мою маму отпустить меня на недѣлю къ вамъ. Она боится, что ты будешь съ нею одной скучать!

Меня это тронуло. Милая няня! Какъ она заботится обо мнѣ!

Мы пришли къ самому обѣду. Отъ далекой прогулки я такъ проголодалась, что ѣла за четверыхъ. Послѣ обѣда мы съ Фросей взобрались съ ногами на нянину кровать и долго бросались подушками. По воздуху леталъ пухъ, мы взбили всю кровать и думали, что няня насъ накажетъ, но она вошла къ намъ и стала смѣяться.

— Играйте, играйте, дѣтки! сказала она.—Я послѣ уберу!

Потомъ мы стали играть въ желѣзную дорогу, опрокинули всѣ стулья и столы, воображая, что это вагоны, и когда наигрались до сыта, то Марьюшка принесла намъ по кружкѣ холодныхъ густыхъ сливокъ. Ахъ, съ какимъ наслажденіемъ мы выпили ихъ! А комната такъ и осталась неубранной.

А затѣмъ какъ-то вдругъ, сразу, наступилъ вечеръ. Вообще въ этотъ день какъ-то особенно часто били часы. День промелькнулъ такъ быстро, что я даже и не замѣтила, куда онъ дѣвался. Пришла Марьюшка и приготовила намъ постель. Мы простились съ няней, умылись, помолились Богу и прыгнули вмѣстѣ съ Фросей въ перину. Мнѣ хотѣлось пошалить еще, но сонъ сталъ одоѣвать меня и я стала сладко-сладко засыпать.

— Спи, моя дѣточка! услышала я сквозь сонъ голосъ няни.— Спи и ты, стрекоза! Господь благослови васъ обѣихъ!

Мы тотчасъ-же заснули и спали, какъ убитыя.

... Сегодня утромъ я вскочила рано, часовъ въ шесть, и выбѣжала на дворъ. Сіяло солнце и капли росы еще висѣли на цвѣтахъ и листьяхъ деревьевъ. Я еще ни разу въ жизни такъ рано не вставала. Распѣвали птицы, мычаль скотъ, кудахтали куры—и мнѣ было пріятно дышать свѣжимъ утреннимъ воздухомъ. Я сбѣгала за полотенцемъ и умылась прямо изъ колодца.

Вышла Марьюшка и удивилась, что я такъ рано встала. Она подошла ко мнѣ и поцѣловала меня въ плечо.

— Уже, барышня, встали? спросила она.—Какъ-же вы будете, не кушавши? Вѣдь вава няня только сейчасъ уѣхала къ ранней обѣднѣ!

Въ это время послышался стукъ колесъ. Это возвращался изъ церкви Трифонъ. Увидѣвъ меня, онъ соскочилъ съ козелъ, схватилъ меня на руки и высоко приподнялъ отъ земли.

— Здравствуйте, барышня-красавица! Вы уже вставши? Позвольте васъ поздравить съ высокаторженственнымъ праздникомъ святыхъ, первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла!

Я опять поцѣловала его въ щеку, онъ опять вытеръ ее рукавомъ, опять засмыгалъ носомъ и затѣмъ сталъ распрягать лошадь.

— Пойдемте-ка, барышня, обратилась ко мнѣ Марьюшка,—я вамъ что-то покажу.

Мы пошли въ людскую. Тамъ было очень жарко, пахло свѣжеиспеченнымъ хлѣбомъ и жужжало множество мухъ. Марьюшка залѣзла на печку, достала оттуда горшокъ, покрытый тряпкой и поставила его на столъ.

— Смотрите сюда! сказала она.

Она сняла съ горшка тряпку и высыпала изъ него прелестныхъ желтенькихъ утятъ. Они были, точно пуховки изъ-подъ пудры.

— Гдѣ ты ихъ взяла? воскликнула я въ восторгѣ.

— Вывелись сегодня за ночь... отвѣтила она.

И взявъ съ лавки тазъ, она налила въ него воды, сгребла горстями всѣхъ утятъ и опустила ихъ въ воду. Они тотчасъ-же весело стали плавать въ тазу и нырять.

— Ну, довольно! сказала Марьюшка.—Поплавали! Будетъ съ васъ!

Она опять сгребла всѣхъ ихъ въ горсть и снова положила ихъ въ горшокъ. Они были совершенно сухи и было удивительно, что такъ скоро скатилась съ нихъ вода. Марьюшка поставила горшокъ опять на печку, достала изъ-подъ холстины только-что испеченный хлѣбъ и отрѣзала мнѣ отъ него то мѣсто, гдѣ на горбушкѣ былъ разрывъ. Это было самое вкусное мѣстечко.

— Кушайте на здоровье! сказала она и придвинула ко мнѣ и молоко.

Я стала обмакивать теплую горбушку въ молоко и ѣсть. Это было очень, ужасно-ужасно вкусно! Я ѣла, а Марьюшка глядѣла на меня и улыбалась.

Мы вышли изъ людской. Марьюшка занялась своимъ дѣломъ, Трифонъ хлопоталъ около тарантаса, а я сѣла на крылечкѣ дома и стала думать. Какъ вдругъ я услышала какіе-то странные звуки. Кто-то будто-бы игралъ на чемъ-то, а кто-то другой какъ будто-бы пѣлъ. Я прислушалась. Звуки доносились изнутри дома.

„Что-бы это было?“ подумала я.

Затѣмъ кто-то вдругъ громко расхохотался и въ этомъ смѣхѣ я узнала голосъ Фроси. Тогда я вспомнила о ней, вбѣжала въ домъ и то, что представилось моимъ глазамъ, заставило и меня весело смѣяться. У окна сидѣла совсѣмъ уже одѣтая Фрося и играла на какомъ-то странномъ инструментѣ, похожемъ не то на балалайку, не то на гитару. Около нея стоялъ Шарикъ и вылъ во весь свой собачій голосъ.

— Что это ты дѣлаешь? спросила я Фросю.

— Развѣ не видишь? отвѣтила она.— Даю концертъ!

— Что это у тебя за гитара?

— Не знаю... Не мѣшай. Попѣзла сейчасъ въ чуланъ, чтобы

найти себѣ чего-нибудь поѣсть, и вдругъ увидѣла тамъ эту скрипку.

И она снова забренчала по струнамъ и Шарикъ опять затянулъ свою невыносимую пѣсню. Я зажала себѣ уши и хотѣла-было уйти.

— Развѣ тебѣ не нравится? спросила Фрося.— А по моему это даже очень пріятно!

— Но вѣдь ты мучишь собаку! Развѣ ты не слышишь, какъ воетъ Шарикъ?

— Я его не держу. Если ему не нравится пѣть, то онъ можетъ уходить.

И дѣйствительно, вѣроятно, Шарикъ очень нравилась эта музыка, потому что онъ продолжалъ стоять около Фроси и, задравъ голову, громко вылъ.

Въ это время послышались въ передней чьи-то шаги. Мы такъ увлеклись нашимъ концертомъ, что и не замѣтили, какъ къ намъ вошла няня. Она вернулась изъ церкви пѣшкомъ.

Остановившись удвери, она долго смотрѣла на насъ, улыбалась, а затѣмъ покачала головой и ласково сказала:

— Ахъ вы баловницы, баловницы! Вотъ погодите, ужо я васъ накажу!

Она положила на столъ просфору, молча взяла изъ рукъ Фроси балалайку и вынесла ее въ чуланъ. Шарикъ тотчасъ-же убѣжалъ на дворъ.

— И все эта стрекоза! погрозила няня пальцемъ Фросѣ.— И всюду-то, всюду она засунетъ свой носъ! Ну, здравствуйте, дѣтки! Съ праздникомъ!

Она обѣихъ насъ поцѣловала.

— Богъ милости прислалъ! сказала она и стала снимать съ себя платокъ.

Вошла Марьюшка и стала приготавливать чай. Появились горячія, вкусныя пышки, сливки, яйца и масло, такое твердое, какъ сыръ. Нянь все казалось, что мы мало ѣдимъ, и она то и дѣло подкладывала намъ то того, то другого. Мы ѣли за обѣ щеки.

— Няня, спросила я ее, когда мы уже отпили чай.— Откуда у тебя эта музыка, на которой сейчасъ играла Фрося?

Няня вздохнула и глаза ея засвѣтились такъ, точно она вспомнила о чемъ-нибудь очень для нея дорогомъ.

— Это — игрушка твоего папы, отвѣтила она.— Когда я еще нянчила его, голубчика, лѣтъ тридцать тому назадъ, такъ онъ, еще мальчишечкой, любилъ на ней вотъ такъ-же дразнить собакъ, какъ и эта стрекоза! Я всѣ его игрушки берегу.

Затѣмъ Марьюшка вывела утятъ на дворъ къ лужицѣ,—и мы глядѣли, какъ они по ней плавали и кувыркались въ ея тинѣ. Наплававшись, они вылѣзли на бе-

режокъ и долго затѣмъ лежали на травкѣ и грѣлись.

— Это сиротки, сказала Марьюшка.— У нихъ нѣтъ матки. Ихъ вывела курица!

Мнѣ стало ихъ жаль и я еще долго сидѣла около нихъ на корточкахъ и глядѣла на нихъ. Какъ вдругъ кто-то около меня вылѣзъ изъ-за кустовъ, засмѣялся и дернулъ меня за рукавъ. Я оглянулась и увидала около себя деревенскаго мальчика. На головѣ у него вмѣсто шапки былъ какой-то старый чулокъ и вся рожица у него была такъ испачкана, что онъ походилъ на негритенка.

— Здравствуй, барышня, сказалъ онъ.— Гы-и!

— Здравствуй, отвѣтила я.— Тебя какъ зовутъ?

— Бориска!.. Гы-и!

— Ты чей?

— Ничей!.. У меня ни тятки, ни мамки нѣту!.. Я всеобщій!..

Я не поняла его я спросила:

— Хочешь играть съ нами?

— Хочу.

Мы пошли въ домъ, гдѣ въ это время Фрося ныряла въ няниной перинѣ. Увидѣвъ Бориску, она соскочила съ кровати и закричала во весь голосъ: — А, Бориска, здравствуй! Наконецъ-то ты пришелъ!

Она схватила Бориску за плечи и стала его тормошить. Онъ смѣялся во все горло и дѣлалъ все, что только она ему ни приказывала.

— Ты знаешь? обратилась она ко мнѣ.— Это мой ученикъ.

— Какъ ученикъ? спросила я.

— Я выучила его читать и писать. Школа отъ насъ далеко, такъ вотъ я и стала его учить. Ничего, понималъ. Умѣетъ.

Мы бѣгали втроемъ, рѣзвились, рядились въ нянины платья и подъ конецъ сдѣлали въ комнатахъ такой безпорядокъ, что даже няня укоризненно покачала головой.

— Бориска, утри носъ! крикнула она.

Бориска утеръ носъ рукавомъ и опять засмѣялся: — Гы-и!

Мнѣ очень понравился Бориска и я попросила няню, чтобы она позволила ему придти къ намъ и завтра.

— Что-жъ, отвѣтила она.— Пускай ходитъ хоть каждый день! Онъ хоть и сопливый, а мальчикъ хорошій. Я и сама его очень люблю. У насъ всѣ его любятъ и онъ живетъ то у однихъ помѣщиковъ, то у другихъ. Потому-то и прозвали его всеобщимъ.

Я и Фрося взяли „всеобщаго“ за руки и выбѣжали съ нимъ на дворъ.

— Хотите, я покажу вамъ, сказалъ онъ,— какъ лошади ѣдятъ траву?

— А ну, покажи! отвѣтили мы.

Онъ всталъ на четвереньки и сталъ ѣсть траву.

— Бориска! испугалась я.— Что ты дѣлаешь? Вѣдь ты отравишься и умрешь!

Но Бориска не обратилъ вниманія и продолжалъ питаться травой.

— Трифонъ, крикнула я работнику.— Запрети Борискѣ! Прикажи ему, чтобы онъ пересталъ!

Трифонъ поглядѣлъ на него, засмѣялся и сказалъ:

— Пуцай его ѣсть!

— Но вѣдь это ему повредитъ!

— Ничего!

Бориска поднялся на ноги, прожевалъ траву и проглотилъ.

Я думала, что его тотчасъ-же уложить въ постель, дадутъ ему касторки и позовутъ доктора, но никто этого не сдѣлалъ, и такъ Бориска и пробѣгалъ съ нами, какъ ни въ чемъ не бывало, до самаго вечера.

Вечеромъ няня, Марьючка, Фрося и я играли въ карты, а Бориска свернулся калачикомъ на коврикѣ у няниныхъ ногъ и спалъ, какъ убитый. Такъ у него животъ вовсе и не болѣлъ.

Сегодня послѣ обѣда мы ѣздили къ батюшкѣ въ гости. Матушка встрѣтила насъ, какъ родныхъ, и не знала, куда насъ посадить и чѣмъ накормить. Она нашла, что ея Фрося у насъ разбаловалась, и рѣшила ее больше къ намъ не пускать, но я и Фрося стали плакать нарочно и были такъ, что няня и матушка стали насъ утѣшать и подъ конецъ матушка отпустила къ намъ Фросю.

У батюшки прелестные щеночки! Недавно оценилась ихъ собака

Муська, щенятки прозрѣли еще только третьяго дня и одинъ изъ нихъ у насъ на глазахъ вывалился изъ корзинки и самъ опять туда же въ нее влѣзъ назадъ и при этомъ такъ неуклюже, что мы всѣ смѣялись. Ихъ всѣхъ шесть. Батюшка обѣщалъ мнѣ одного изъ нихъ подарить. Поглядѣвъ на Муську и на ея щенятъ, онъ глубоко вздохнулъ, поднялъ палецъ кверху и многозначительно сказалъ:

— Умомъ собаки держится весь мѣръ. Если-бы не было собаки, то некому было-бы охранять стадъ Авраама и Исаака и Иакова и всѣхъ нашихъ Праотцовъ и ихъ самихъ, и тогда ихъ не было-бы вовсе въ живыхъ. А если-бы ихъ не было въ живыхъ, то не произошло-бы отъ нихъ и всѣхъ народовъ, населяющихъ нынѣ земной шаръ.

Мы напились у батюшки чаю и поѣхали обратно домой.

М. Б—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ БОЛЬШОМЪ ГОРОДѢ.

Ваня осиротѣлъ. Сейчасъ только похоронили его мать и теперь онъ остался одинъ во всемъ свѣтѣ. Когда возвращались съ кладбища, то знакомые, провожавшіе покойницу до вѣчнаго успокоенія, глядѣли на него и качали головами.

— Бѣдный мальчикъ! говорили они.—Что съ нимъ теперь будетъ? Придется ему поступить куда-нибудь въ пріютъ для бездомныхъ дѣтей!

Ваня слышалъ эти слова и они заставили его лишній разъ про-

глотить слезы. Въ самомъ дѣлѣ, куда ему теперь идти? Его отецъ умеръ тогда, когда еще Ванѣ не было и двухъ лѣтъ, а теперь вотъ умерла еще его и мать и онъ остался восьмилѣтнимъ мальчуганомъ одинъ.

Было еще не поздно, но сѣрый ноябрьскій вечеръ уже спускался на землю. Зажглись фонари и всѣ магазины были уже освѣщены. При входѣ въ городъ всѣ знакомые разбрелись по своимъ домамъ, и Ваня остался одинъ. Поговорили

о пріютѣ, пожалѣли о покойницѣ гдѣ жилъ съ матерью и гдѣ теперь
и объ ея одинокомъ сынѣ, но ихъ комната была занята уже
никто не подумалъ о томъ, гдѣ другими, и никому не было дѣла

— Спи, моя куколка.

онъ будетъ сегодня ночевать и до того, куда онъ шелъ и чей онъ
что будетъ ѣсть. Этого не зналъ былъ. Онъ брелъ, куда глядѣли
и самъ Ваня. Онъ шелъ теперь по его глаза. Онъ былъ на но-
улицѣ, прошелъ мимо того дома, гахъ уже съ утра, чувствовалъ

усталость и ему хотѣлось при-
сѣсть.

Онъ пошелъ далѣе. Стемнѣло

На мрачномъ небѣ, сквозь разо-
рвавшіяся облака, свѣтила оди-

нокая звѣзда. Ваня чувствовалъ

Вечеръ.

совсѣмъ и наступила затѣмъ ночь.
Во всемъ переулкѣ, куда онъ
теперь попалъ, не было ни души,
и онъ оставался совершенно одинъ.

во всемъ тѣлѣ тяжесть, ему бы-
ло холодно и хотѣлось поскорѣе
юрнуть куда-нибудь въ тепло,
укрыться одѣяломъ съ головой и

заснуть. Но этого было сдѣлать нельзя.

— Какъ холодно!.. говорилъ онъ. — Гдѣ-бы переночевать? Я озябъ...

Проѣхалъ одинокій извозчикъ. Онъ плелся къ себѣ на постоянный дворъ шажкомъ. Лошадка еле шла и извозчикъ что-то мурлыкалъ себѣ подъ носъ. Доѣхавъ до высокаго каменнаго забора, въ срединѣ котораго были сдѣланы ворота, онъ остановился, слѣзъ съ козелъ, дернулъ въ звонокъ и скоро ворота открылись и онъ въѣхалъ во дворъ. Ворота затворились. Это былъ постоянный дворъ для извозчиковъ. И вдругъ странная мысль пришла въ голову Ванѣ: не перелѣзть-ли ему черезъ эту стѣну и не переночевать-ли ему въ одной изъ извозчичьихъ колясокъ, которыхъ было много на постояломъ дворѣ?

Онъ былъ одинъ, его не увидитъ никто. Онъ вскарабкался, какъ кошка, на заборъ, перелѣзъ черезъ него и скоро очутился на большомъ дворѣ, почти сплошь уставленномъ извозчичьими экипажами. Изъ конюшенъ доносилось фырканье лошадей, но всѣ извозчики были уже у себя въ каморкахъ и крѣпко спали.

— Вѣдь этимъ я не сдѣлаю зла никому... подумалъ Ваня.

И, забравшись въ одну изъ колясокъ, онъ влѣзъ на сидѣнье, свернулся на немъ калачикомъ и

заснулъ. А на дворѣ стояла холодная ночь.

Сколько времени онъ спалъ, онъ не знаетъ. Когда онъ проснулся, то чуть брезжило утро и между колясокъ бродили извозчики, мыли ихъ и запрягали въ нихъ лошадей. Увидавъ ихъ, Ваня сообразилъ, что ему гораздо лучше незамѣтно уйти поскорѣе, чтобы и въ слѣдующую ночь имѣть возможность переночевать тутъ-же. Во время сна картузикъ свалился у него съ головы и онъ сталъ шарить по сидѣнью рукой, чтобы его найти. Вдругъ ему подъ руку попался какой-то жесткій предметъ. Онъ взялъ его, сунулъ къ себѣ въ карманъ и, найдя фуражку, незамѣтно пробрался между экипажей до воротъ, которыя были уже отворены настежь, и вышелъ на улицу.

— Что-бы это было такое? подумалъ онъ про тотъ предметъ, который нашелъ.

И, подойдя къ фонарю, который все еще горѣлъ, онъ вынулъ изъ кармана найденный предметъ и сталъ на него глядѣть.

Это былъ дорогой кожаный бумажникъ. Ваня раскрылъ его и увидалъ въ немъ много денегъ. Все бумажки по десяти и по двадцати-пяти рублей. Одна бумажка была даже въ сто рублей и были еще двѣ другія, которыми Ваня цѣны вовсе даже и не зналъ.

— Надо отнести эти деньги обратно... подумаль онъ со страхомъ, засовывая бумажникъ снова къ себѣ въ карманъ. — Брать чужое — грѣшно.

Тѣмъ временемъ извозчики уже длинною вереницей выѣхали со двора, отправляясь на свой трудовой день. Одни изъ нихъ были угрюмы, другіе веселы, а третьи совершенно равнодушны. Тяжкая жизнь подъ холодомъ и зноемъ, подъ снѣгомъ и дождемъ приучила ихъ равнодушно относиться ко всему.

— Но если я понесу сейчасъ этотъ бумажникъ назадъ, подумаль Ваня, — то меня спросятъ, откуда я его взялъ. Отъ меня требуютъ, чтобы я признался, что я ночеваль въ коляскѣ и, пожалуй, еще отправятъ меня въ участокъ!.. Нѣтъ, боюсь!

И, подумавъ немного, онъ побрелъ своей дорогой туда, куда по-прежнему вели его глаза.

— На ночь я опять перелѣзу черезъ этотъ заборъ, рѣшилъ онъ, — найду тотъ самый экипажъ, въ которомъ сейчасъ ночеваль, и, незамѣтно отъ всѣхъ, положу этотъ бумажникъ обратно туда, гдѣ взялъ...

Онъ шелъ и шелъ, и что дальше, то все больше и больше ему хотѣлось ѣсть. Открывались булочные и пекарни, изъ нихъ вкусно пахло только-что испеченнымъ хлѣбомъ, но у Вани не было ни

копейки денегъ и ему не на что было его купить. А когда ужъ окончательно разсвѣло, онъ снова вспомнилъ о своей находкѣ и ему захотѣлось взглянуть на нее теперь. Онъ вытащилъ бумажникъ и заглянулъ въ него. Въ немъ были все тѣ же деньги, которыя онъ видѣлъ и при свѣтѣ фонаря, но теперь, въ одномъ изъ его отдѣленій, онъ нашель еще фотографическую карточку: на ней былъ снятъ какой-то мальчикъ, худенькій съ грустнымъ выраженіемъ лица.

Ваня положилъ фотографію обратно въ бумажникъ и пошелъ далѣе.

— Сегодня-же вечеромъ я отнесу эти деньги обратно на извозничій дворъ, думаль онъ, — и положу ихъ туда, гдѣ взялъ...

А тѣмъ временемъ ему страшно хотѣлось ѣсть. Но что-же именно сдѣлать, чтобы утолить этотъ мучительный, чисто дѣтскій, голодъ? Что сдѣлать такое, чтобы добыть себѣ хоть немножко денегъ и купить на нихъ хлѣба?

Незамѣтно Ваня дошелъ до вокзала. Изъ него толпами выходили пассажиры. Значитъ, только что пришелъ поѣздъ. Вмѣстѣ съ другими пассажирами выходилъ одинъ господинъ, который несъ въ одной рукѣ пледъ, а въ другой тяжелый чемоданъ. Счастливая мысль вдругъ пришла въ голову Ванѣ. Онъ подскочилъ къ этому госпо-

дину и, ласково заглядывая ему прямо въ самые глаза, нѣжно сказалъ:

— Не желаете-ли, я вамъ помогу?

— Помогите! отвѣтилъ ему господинъ.—А я дамъ тебѣ за это гривенникъ!

Онъ спустилъ свой чемоданъ на землю и встряхнулъ отекшей рукой.

Боже мой! Цѣлый гривенникъ! Теперь Ваня заработаетъ этотъ гривенникъ и будетъ сытъ цѣлый день!

Ваня подскакиваетъ къ чемодану, хочетъ поднять его съ земли, но у него не хватаетъ для этого силъ.

— Куда тебѣ, карапузъ! говорить ему съ упрекомъ пассажиръ, и снова беретъ свой чемоданъ и уходитъ вмѣстѣ съ другими.

Ваня въ отчаяніи смотритъ ему вслѣдъ и не знаетъ, что ему дѣлать. Надежда заработать свой собственный кусокъ хлѣба не оправдалась. Онъ вошелъ въ вокзалъ, сѣлъ въ уголку на диванчикъ и горько заплакалъ.

— Хоть-бы маленькій кусочекъ хлѣбца! сказалъ онъ.— Хоть-бы одну только крошку!

И вдругъ онъ вспомнилъ объ извозничьемъ дворѣ. Что, если онъ пойдетъ туда и найметъ тамъ въ услуженіе? Неужели ни одному изъ извозчиковъ не нужно, чтобы кто-нибудь помылъ вмѣсто него его экипажъ или присмотрѣлъ за

его лошадей! Быть можетъ, кто-нибудь изъ нихъ сжалятся надъ нимъ и дасть ему за его работу поѣсть.

„Кстати я отнесу обратно и этотъ бумажникъ“, подумалъ онъ.

И, собравши послѣднія силы, онъ поплелся къ тому извозничьему двору, гдѣ ночевалъ истекшую ночь.

— Тебѣ, мальчикъ, кого? спросилъ его дворникъ.

— Кто здѣсь самый старшій? спросилъ Ваня.

— Иди вотъ въ эту дверь... Тамъ контора! Спроси тамъ конторщика!

Ваня вошелъ въ контору. За столомъ сидѣлъ прикащикъ, передъ нимъ стояла какая-то богатая дама въ траурѣ, и онъ велъ съ нею разговоръ.

— Такъ вы, сударыня, говорите, обратился къ ней прикащикъ,— что вы оставили вашъ пакетъ на извозчикѣ? Не можете-ли вы припомнить номеръ извозчика, на которомъ изволили ѣхать?

— Нѣтъ, не помню... отвѣтила дама.— Для меня не такъ важны деньги, которыя тамъ находятся, сколько карточка моего покойнаго единственнаго сына. Мнѣ ее больше не откуда достать и за нее я могла-бы пожертвовать всѣмъ.

— Хорошо, сударыня... продолжалъ прикащикъ,— какъ только возвратятся изъ города наши извозчики,— такъ я сейчасъ-же имъ всѣмъ и сдѣлаю опросъ.

И, увидѣвъ вошедшаго Ваню, робко стоявшаго у двери, онъ его спросилъ:

— Мальчикъ, тебѣ чего?

Задыхаясь отъ волненія и страха, Ваня въ немногихъ словахъ разсказалъ ему, какъ у него умерла мать, какъ ее похоронили, какъ онъ остался одинъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ и какъ ему невыносимо теперь хочется ѣсть.

— Простите меня... робко сказали онъ и слезы засвѣтились у него на глазахъ.— Мнѣ некуда было дѣваться и я въ эту ночь перелѣзъ черезъ вашъ заборъ, забрался въ коляску и тамъ и переночевалъ...

— Да какъ-же ты смѣлъ?! воскликнулъ вдругъ приказчикъ.— Въ участокъ, въ участокъ тебя, негодяя этакого! Развѣ можно лазать въ чужіе дворы?

Дама въ траурѣ поглядѣла на щедедушную, тоненькую фигурку Вани и ей стало его жаль.

— Бѣдный мальчикъ!.. проговорила она.— Значить, ты пришелъ сюда попросить милостыню?

Ваня густо покраснѣлъ и опустилъ глаза.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ.— Я пришелъ сюда затѣмъ, чтобы возвратитъ вотъ этотъ бумажникъ, который я нашелъ, когда спалъ здѣсь въ коляскѣ.

Онъ досталъ свою находку и положилъ ее на столъ.

— Мой бумажникъ! воскликну-

ла дама.— Это онъ! А я его такъ ищу!

Не обращая вниманія на деньги, не заботясь даже, цѣлы онѣ или нѣтъ, она стала торопливо заглядывать въ его отдѣленія, повидимому, отыскивая въ нихъ что-то другое, что было для нея дороже всѣхъ денегъ въ мѣрѣ.

— Слава Богу! Вотъ она! воскликнула она, увидѣвъ фотографическую карточку своего сына, и со вздохомъ облегченія опустилась въ кресло.— Какъ я рада! Боже мой, какъ я рада, что она нашлась!

И обратившись къ прикащику, она продолжала:

— Теперь не наводите больше справокъ: карточка нашлась!

— А вы-бы сосчитали, сударыня, деньги! отвѣтилъ ей приказчикъ.— Быть можетъ, этотъ мальчуганъ что-нибудь стащилъ!

Она подошла къ Ванѣ.

— Стащилъ? сказала она.— Развѣ такой мальчикъ можетъ стащить?

И она погладила его по головѣ. Затѣмъ она вынула изъ сумочки душистый платокъ и отерла имъ Ванѣ слезы.

— А теперь пойдѣмъ со мной! сказала она и взяла его за руку.

Онъ послушно послѣдовалъ за ней.

Выйдя за ворота, она наняла извозчика, сѣла въ коляску и усадила Ваню рядомъ съ собой. Ему было холодно, хотѣлось ѣсть.

и онъ двигался, какъ въ полу-забытѣи.

А когда извозчикъ остановился около одного изъ богатыхъ домовъ и она сошла съ экипажа и свела съ собою также и его, то онъ поднялъ на нее свои довѣрчивые голубые глаза и тихонько спросилъ:

— Куда мы идемъ?

Она склонилась къ его головѣ и коснулась своей вуалью его лица.

— Ко мнѣ, мой милый, отвѣ-

тила она.—Теперь ты будешь жить у меня.

Въ это время нарядная горничная отворила имъ дверь.

— Входи-же! обратилась къ Ванѣ дама.— Не бойся! Здѣсь найдется мѣсто и для тебя!

И они вошли.

Съ этихъ поръ для Вани началась новая жизнь, о которой онъ не смѣлъ даже и мечтать.

К. Тр.—

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Названія какихъ пищевыхъ продуктовъ заключаются въ слѣдующихъ фразяхъ:

1) Имя Софія дается дѣвочкамъ очень часто.

2) На дачѣ у зрителя тина весь прудъ затянула.

3) На вчерашнемъ концертѣ я пѣлъ соло, Нина и Варя играли на роялѣ, а Коля—на скрипкѣ.

4) Кажется, дорога уже суха, рискнемъ по ней проѣхать!

5) Изъ угожденія Богу, рцы только одну правду и твори добрыя дѣла.

6) У нищаго мальчика пуста совсѣмъ корзинка.

7) У сосѣдняго дома сломало вѣтромъ часть крыши.

8) Клюква съ сахаромъ — одно изъ нашихъ русскихъ лакомствъ.

9) Сидитъ мужикъ на бугрѣ, чихаетъ да утирается.

10) Бабушка палью укрылась; комары бабушку искусали.

II.

Задумано слово, состоящее изъ девяти буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. Буквы 4. 7. 6. 7. 8. 1 означаютъ то, что остается послѣ снопа, когда изъ него вымолочено зерно, 7. 2. 3. 4. 9 — хлѣбный злакъ, 4. 5. 6. 7 — жировое вещество, 2. 3. 4. 6. 7 — принадлежность лодки, 8. 5. 4. 6. 7 — продуктъ, добываемый изъ молока, конопли, подсолнуховъ и т. п., 2. 7. 6. 7. 4. 9 — принадлежность головы, 7. 6. 7. 2. 7 — металлъ.

Найти всѣ эти слова и задуманное слово, которое означаетъ имя одного изъ сыновей знаменитаго библейскаго царя.

III.

Изъ слѣдующихъ словъ составить начало известнаго стихотворенія Пушкина, которое знаетъ каждый школьникъ:

да, ни, бо, ни, зна, я, бо, чка, тру, ты, за, етъ, не, жи, пти.

IV.

Названія какихъ городовъ заключаются въ слѣдующихъ фразахъ:

1) Когда корабль застрянетъ на мели, то пользы отъ этого будетъ мало.

2) Пахарь ковырялъ землю, а не пахалъ ее; отъ этого у него и неурожай.

3) На мосту лаяла собака.

4) Въ дремучемъ лѣсу мы заблудились и долго не могли изъ него выйти.

5) Ты такъ не послушенъ, что заниматься съ тобой — одно наказанье!

6) Не утори; гарью пахнетъ; кажется, въ печи есть чадъ.

7) Она долго не могла догадаться, кто-бы это былъ.

8) У сосѣдняго помѣщика луга уже скошены.

9) Велико зло въ людяхъ! Изъ-за пустяка они готовы причинить другъ другу неприятности.

10) У шелковичнаго червя тканіе кокона производится посредствомъ одной непрерывной нити.

V.

Мальчикъ стащилъ у сапожника копѣйку и онъ выдралъ его за уши.

За что сапожникъ наказалъ мальчика?

Рѣшеніе головоломки и ребуса № 13, мощенныхъ въ № 12 „Золотого Дѣтства“.

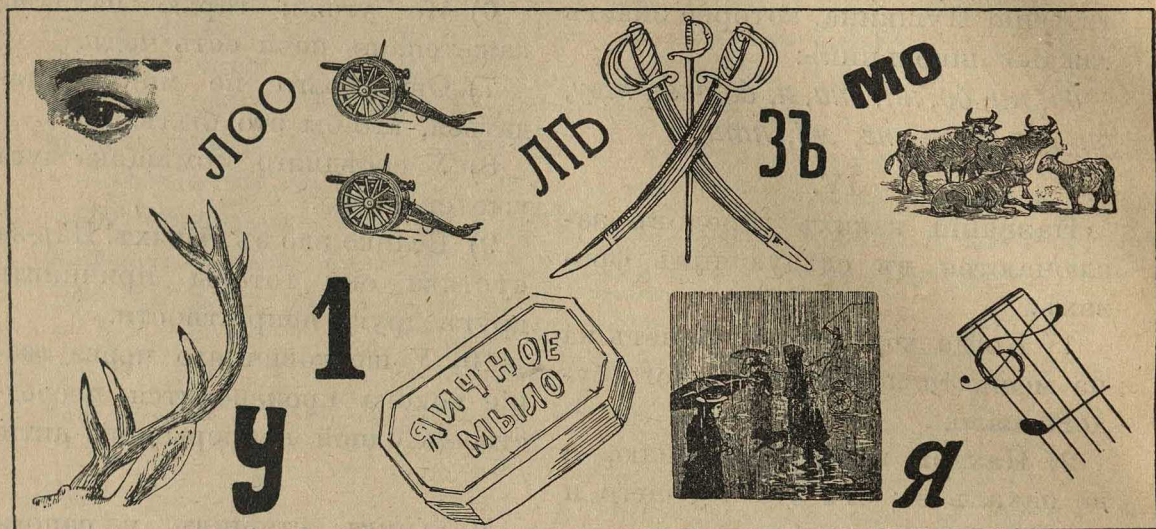
Головоломки: I. Чай + (ру)ка = Чайка. II. Корица, осы, шапка, клюква, апельсинъ = кошка. III. Ратникъ, стаканъ, стирка, краска, крикъ, старина, уста, картина = кустарникъ. IV. Власть, вата, тепло, село, поле, сова, соль, тополь = Севастополь. V. Во фразѣ „Золотое Дѣтство“ — 14 буквъ. VI. Олень, ... гіе + на (гіена), ... кры + са (крыса), ... со + боль (соболь), ... ку + ни + ца (куница), ... лягу + шка (лягушка), ... вы + дра (выдра), ... лось, рысь, ... ба + ранъ (баранъ). VII. Лось + осина = лососина.

Ребусъ № 13. Око + лобъ + очки + съ + к + в + а + сомъ + со + бра + лось + мно + гора + б + очь + хъ = Около бочки съ квасомъ собралось много рабочихъ.

Вѣрные рѣшенія за эти пять недѣль прислали: Ж. Бунтинъ, Бараблинъ, Г. И. Восняцкий, А. и П. Мустановы, Я. Зазовскій, М. Тараканъ, Ю. Винцентини, В. и Н. Пашников-

скія, А. и С. Шатовы, В. П. Домашевъ, Н. Иванова, М. Крестовоздвиженская, С. и В. Богдасевы, Б. Войнаровский, М. и А. Юрченко, Н. Сундукова, И. Нарышкинъ, В. и В. Рѣдкины, Ш. Шлыкова, О. Климова, Вл. Микеровъ, М. Персиць, О. Константинова, В. и К. Крыловы, Л. Кривицкій, В. Ушаровъ, К. Мелешкина, Ш. Евгениева, М. Агреева-Славянская, В. Сухинъ, Е. Воликъ, В. Стольникъ, Л. Чудинова, Еня Дубровинъ, Д. Весельчакъ, В. Фокинъ, кн. Д. Эрстова, Грицутикъ и Оксаночка, С. и А. Михайловы, С. Вырскій, Т. Евстратикъ, В. Лопатинъ, З. и Н. Селюнины, Н. и Г. Клоссъ, Л. Сукованченко, Ю. Локтевъ, В. Лаская, П. Вайнтрубъ, С. и Э. Штутъ, Л. и Г. Ловень, П. и С. Темировы, Н. Ильницкая, О. Эдельманъ, Ж. и В. Лодзято, Ю. Локшинъ, Н. Гусаровъ, Н. Шереметевъ, В. и В. Богдановы, Л. и К. Жилиевы, Н. Кокушкина, Туся, А. Яснинскій, Куця, В. Ясновскій, И. и Л. Кацауровы, П. Ольшанскій, Юра, К. Холявинъ, П. Поиль, Т. Перекрестова, Ш. и Р. Моисеевъ, М. Кваша, Ю. Гольдъ.

Ребусъ № 15

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки или ребусъ, будутъ напечатаны).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

за 1914 годъ

въ красивомъ коленкоромъ переплетѣ — **4 рубля** за экзempl. со всѣми приложениями. За пересылку въ Европейской Россіи и на Кавказъ — **45 коп.**

Высылается наложен. платежемъ.

Адресъ Редакціи: Петроградъ, Каменноостровскій, 26.

Журналъ за 1915 г. разошелся весь.

ТРИ КНИГИ за 1 руб. 60 к.

съ пересылкой:

1. „Дружокъ и Домка“.
2. „Въ кеволѣ“.
3. „Англійскія сказки“.

Выписывать можно **открытымъ письмомъ** изъ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, Петроградъ, Каменноостровскій просп., 26.

Годъ девятый.

Художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 въ годъ номера).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Журналъ отличается внѣшнимъ изяществомъ и тщательно подобраннымъ содержаниемъ. Давая подписчикамъ въ 1915—1916 году цѣлый рядъ интересныхъ приложений, редакція задалась цѣлью доставить имъ полезныя и разумныя занятія и развить въ нихъ вкусъ ко всему изящному.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы шарады, и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

— Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно выбранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

- 24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 12 КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.
- 12 ИГРЪ для дѣтей.
- 24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (домики, мебель, экипажи и проч. и проч.).

Особое приложеніе для годовыхъ подписчиковъ:

Книга съ иллюстраціями:

„БРАТЪ И СЕСТРА“.

≡ Книга эта будетъ прочтена дѣтьми не разъ съ захватывающимъ интересомъ. ≡ Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ царствѣ смекалки. Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности „Золотое Дѣтство“ является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія бібліотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой
на годъ 4 р. 80 к., на полгода—2 р. 40 к.

Адресъ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ,
Каменноостровскій проспектъ, 26.

4 р. 80 к.

За перемѣну адреса—28 копѣекъ марками. Перемѣнять адресъ можно простымъ письмомъ.

Не забудьте сообщать при этомъ и старый Вашъ адресъ.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.